

4. Katz J. Experimentation with Human Beings. Russel Sage Foundation. N.Y., 1972.
5. Кубарь О. И. Этические и правовые нормы в исследованиях на человеке: из истории России XX века // Человек. 2001. № 3.
6. Медицинское обозрение. 1917. Т. LXXXVII. № 13–16. С. 618–631.
7. Хейсин М. Л. К вопросу о врачах. Красноярск, 1902.
8. Rothman D. J. The Shame of Medical Research.—New York Review of Books Nov. 30, 2000.

Т. ДЕХЬЮ (Нидерланды)

ПОЛИТИКИ ТЕСТИРОВАНИЯ: ОБ ИСТОРИИ И ПРЕДПОСЫЛКАХ «СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ»*

Пролог: правительственный эксперимент с героином

Весной 1997 г. голландский министр здравоохранения внесла на рассмотрение парламента одно щекоотливое предложение. Она хотела выяснить, какие последствия могла бы иметь свободная раздача героина людям с неизлечимой зависимостью от наркотиков. В особенности ее интересовало, что именно провоцирует болезненное состояние наркоманов и их асоциальное поведение, — сам героин или же его дороговизна на черном рынке.

Предложение министра не было голословным, а содержало целый план исследований, разработанный научной комиссией. Как она заявляла, для статистики было необходимо, чтобы в исследовании участвовали, как минимум, 750 наркозависимых. Кроме того, объясняла министр, все исследование должно было быть проведено согласно самой строгой модели эксперимента, в котором экспериментальные группы сравниваются с контрольными. Чтобы обеспечить сравнимость и статистическую достоверность, всех участников предполагалось распределить в случайном порядке между экспериментальной группой, которой должны были выдавать бесплатно героин, и контрольной группой, которая получала только непопулярный заменитель героина метадон. И экспериментальная, и контрольная группы должны пристально изучаться, обращая при этом особое внимание на различия в состоянии здоровья и поведении.

С методологической точки зрения, контрольная группа была решающим аспектом эксперимента. Если бы в нем участвовала только героино-вая группа, доказывала министр парламенту, обнаружившийся прогресс

* *Труды Дехью* — профессор, заведующая кафедрой истории и теории психологии в университете Гронингена (Нидерланды). На английском языке вышла ее книга о психологии в Нидерландах (*Changing the rules: Psychology in the Netherlands, 1900–1985*. Cambridge U. P., 1995) и статьи по истории эксперимента в науках о человеке. Настоящая статья написана на основе доклада, прочитанного на конференции «Психология, современная история, человеческая природа» (Москва, апрель 2000 г.). Конференция организована при финансовой поддержке программы «ИНТАС» Европейского Союза (грант № 97–30361). Публикуется впервые.

мог бы быть приписан любым посторонним по отношению к героину факторам. Только сопоставляя результаты групп, уравненных во всех других отношениях процедурой случайного выбора, можно было надеяться получить «четкий и однозначный ответ» на вопрос о целесообразности раздачи героина.

В то же время, однако, контрольная группа была той частью плана, которая вызывала наибольшие сомнения. Тогда как экспериментальная группа получала бесплатный героин, контрольная группа подвергалась детальному исследованию, получая в награду лишь нелюбимый метадон. Комиссия по подготовке исследования искала пути предотвратить преждевременный выход участников из контрольной группы и нашла хитрое решение, при котором вроде бы не было проигравших. Контрольной группе после участия в эксперименте на протяжении шести месяцев был обещан бесплатный героин в *следующем* полугодии. Но так как экспериментальная группа во втором полугодии все еще продолжала бы получать героин, то различие между группами составило бы шесть месяцев героина против двенадцати. Таким образом, нужна была еще одна, третья группа, которая служила бы контрольной на протяжении всех 12 месяцев. Ее участникам для мотивации обещали бесплатный героин уже после окончания годового эксперимента. Как заявила министр, задуманное исследование должно стать первым по-настоящему объективным экспериментом с бесплатным героином. Предложение министра было принято, и эксперимент начался.

Эксперимент и администрация

Возможно, эксперимент со случайным подбором групп в выяснении эффектов героина и был новым словом, но сама по себе идея использовать эксперимент в области социальной политики совсем не нова. Мне неизвестно, как обстояло дело в России, и я хотела бы больше узнать об этом. Начиная с 1960-х гг. в Соединенных Штатах, как и в других западных странах, проводились бесчисленные эксперименты для выяснения последствий различных административных мероприятий. Такими экспериментами занимались на всех уровнях власти и в разного рода учреждениях. Исследовались последствия таких мероприятий, как введение социальных пособий, проекты очистки трущоб и реабилитации бывших заключенных, предвыборные кампании и кампании за безопасный секс или против курения и ругательств, а также образовательные программы: от телевизионных передач для «ползунков» до реорганизации университетов. Были потрачены огромные суммы и задействованы бесчисленные испытуемые.

Эксперты по тестированию в социальной сфере считают верхом методологического совершенства формирование контрольной группы по случайному признаку. В 1986 г. известный британский социолог Мартин Балмер назвал эксперименты со случайными выборками «апогеем методологической строгости» и «роллс-ройсами или кадиллаками оценочного эксперимента» [1, с. 169]. Одновременно с этим отмечалось, что на практике сфор-

мировать случайную выборку очень трудно. Не всегда удается поместить случайно отобранных людей в экспериментальную ситуацию, ведь пособия и лечение должны быть предоставлены наиболее нуждающимся, а призы и награды — наиболее достойным. Поэтому были придуманы замены, часто очень остроумные схемы «псевдоэксперимента» с применением специальных статистических методик.

В результате планирование социальных экспериментов стало самостоятельной профессией. Начиная с 1960-х гг. в американской и западноевропейской социальной науке возникла дисциплина, получившая название «социального экспериментирования», с собственными журналами, обществами и конференциями. Представители этой дисциплины видят ее как чисто техническую, политически нейтральную область. Социальные экспериментаторы — это профессионалы тестирования *планов других людей*. Сами они не вмешиваются в административные и политические дела, а лишь применяют «методы науки» для проверки эффективности действий администрации. Один из основателей этой дисциплины, американский психолог Дональд Кэмпбелл, говорит, что социальный экспериментатор — это «слуга-методолог экспериментирующего общества», а проведение эксперимента — вопрос применения «логики лабораторной науки» к обществу [2; 3].

В настоящей работе я хотела бы рассказать о моем собственном историческом и аналитическом исследовании социального экспериментирования. Я попытаюсь показать, что современное представление об эксперименте со случайно отобранной контрольной группой как об «истинном» эксперименте берет начало не в лаборатории, а в тесно переплетенных сферах администрирования и социальных исследований. В особенности я хочу обратить внимание на то, что социальное экспериментирование в целом и эксперимент со случайными выборками в частности закрепляют и доводят до крайнего выражения ценности западной бюрократии XX в. После обсуждения некоторых сторон этой проблемы я вернусь к голландскому эксперименту с героином — это предмет моего продолжающегося исследования. Более детальный взгляд на этот эксперимент демонстрирует, что социальное экспериментирование вовсе не такое уж нейтральное занятие, как считают некоторые.

Социальное экспериментирование как описательная метафора

Выражение «социальное экспериментирование» появилось в первой половине XIX в. Французский социолог Огюст Конт применил его в отношении к природным нарушениям социального порядка, таким, как лавины и наводнения. Британские политэкономы Джон Стюарт Милль и Джордж Корнуэлл Льюис говорили о правительственном законодательстве как «социальном эксперименте». Конт, Милль и Льюис, однако, отрицали возможность *научного* эксперимента с людьми [4]. Как об этом писал Льюис, преднамеренное экспериментирование неприменимо к человеку, поскольку

ку означало бы «разрушение его жизни, удар по его чувствам или, по крайней мере, причинение ему беспокойства и наложение ограничений» [5, с. 159, 161].

Как объяснить такую разницу? Чему приписать бросающийся в глаза контраст между свойственной XIX в. боязнью потревожить людей и характерной для XX в. верой в манипулирование группами как залог проведения правильной политики? Мой ответ заключается в том, что Конт, Милль и Льюис работали в то время, когда еще не сложился ставший привычным тройственный союз между политикой, сферой общественного благосостояния и социальными исследованиями.

В XIX в. на Западе общественные мероприятия были заботой не правительства, а главным образом местной благотворительности. В свою очередь, социальные науки были не социотехническим, а преимущественно интеллектуальным предприятием. «Исследователи общества» видели свою задачу в том, чтобы дать его интеллектуальную интерпретацию и советовать в выборе политики, а не в том, чтобы объективно тестировать действия правительства [6, с. 24]. Более того, ученых больше интересовали условия социальной гармонии, чем социотехнического прогресса. Предметом их первостепенного внимания был естественный, или нормальный социальный порядок [7; 8]. В этом контексте выражение «социальный эксперимент» было метафорой, заимствованной из естественных наук для описания тех событий, которые *нарушают* нормальное состояние дел. Метафора эта означала, что наблюдение нарушающих нормальный порядок событий может пролить свет на естественное состояние общества. При этом ни в коем случае не имелось в виду, что исследователи должны *проводить* такие разрушительные социальные эксперименты. Таким образом, выражение «социальное экспериментирование» не подразумевало еще никаких специальных методологических правил.

Социальное экспериментирование как методологическая процедура

Другое значение выражение «социальное экспериментирование» приобрело, когда изменились взгляды на общественное управление. В последние десятилетия XIX в. крайняя бедность и вообще несчастное положение рабочих в индустриальных странах Европы и Америки вызвали широко-масштабное движение за централизованное общественное управление. На разных уровнях управления обществом была создана администрация, ведающая планированием и внедрением нововведений. Этот поворот к доминированию бюрократии привел к укреплению отношений между управлением и социальными науками. Более того, он способствовал изменению самого типа получаемого в социальных науках знания.

Как правило, бюрократические учреждения и мероприятия финансируются из денег налогоплательщиков. Поэтому, в отличие от управленцев XIX в., авторитет которых основывался на личной скромности и такте, новая бюрократия как огня боялась обвинений в пристрастности и неэффек-

тивности. Вскоре этот страх был институционализирован. В терминологии Макса Вебера бюрократическим обществам свойственна «формальная» (в отличие от практической, теоретической или субстанциональной) рациональность. Это способ мышления, где эффективность сочетается с подчиненной правилам отчетностью. В бюрократических обществах вопрос о доверии к правительству зависит от применения безличных стандартов, процедур, фактов и цифр [9; 10].

Поскольку чиновники-управленцы должны были формулировать свои решения словами безличной объективности, они все больше обращались за помощью к социальным наукам. В свою очередь ученые ухватились за эту возможность развития своей области знания. Они быстро адаптировались к новым требованиям и стали использовать знание в качестве инструмента (а не для рефлексии) стандартизированно, а не по усмотрению. Свободное размышление в социальных науках стало все более пониматься как ничем не ограниченное суждение, а последнее — связываться с пристрастностью и случайностью [6; 11].

Как уже было сказано, эти изменения привели к новому пониманию социального экспериментирования. В 1917 г. американский социолог Ф. С. Чейпин опубликовал две статьи, в которых утверждал, что это выражение означает «преднамеренное вмешательство одних людей в группы других людей» [12; 13]. Кроме того, заявлял он, социальный эксперимент должен быть научным, т. е. в нем должны варьироваться одни причины при неизменных других факторах. Чейпин, однако, признавал, что пока этого сделать не удалось. Он считал, что и в будущем вряд ли будет возможно контролировать все условия, вроде расовых различий, политических взглядов и жизненных стандартов.

Применение случайных контрольных групп в психологии

Решение составлять экспериментальные и контрольные группы согласно заранее выбранным критериям было введено в тех случаях, в которых контроль действительно можно было осуществить. В отличие от других наук о человеке, психология уже имела традицию активного экспериментального манипулирования людьми. Начиная с 1870-х гг. психофизики работали над тем, чтобы ставить испытуемых добровольцев в ситуации со строжайшими методологическими рамками [14; 15]. Когда произошла та перемена, о которой говорилось выше, и администрация начала работать рука об руку с социальными науками, некоторые из психологов быстро приспособили свои психофизические методики к новым требованиям. Совершенствуя экспериментальные схемы, они первыми разработали эксперимент с участием контрольной группы [16; 17].

В ранних экспериментах с участием контрольных групп наиболее удобными испытуемыми были школьники. Согласно известному американскому историку психологии Эдвину Борингу в ранних контролируемых экспериментах стандартными испытуемыми были дети и крысы, потому что и те

и другие были «недороги и в избытке» [18, с. 588]. К этому можно добавить, что образование в Америке было одним из главных направлений административной работы. В 1910-е гг. началось мощное движение за эффективность и социальную инженерию в школах [4, 19]. При этом имел значение тот факт, что со школьниками (как и с крысами) было сравнительно легко управляться. Их послушание обеспечивали учителя, а сотрудничество с учителями — могущественная школьная дирекция.

В этих экспериментах сравнивались различные аспекты: большие и маленькие классы, свежий и кондиционированный воздух, манера преподавания и пол учителей, словом — все, что только могла придумать школьная администрация. В 1920-е гг. под настоящим экспериментом стали понимать нечто еще более узкое. Надо было исключить вероятность того, что наблюдаемые эффекты вызваны случайными факторами, и доказать, что они — результаты педагогических мероприятий. Вначале было принято решать эту задачу путем предварительного тестирования по тем факторам, которые предположительно могли вызвать различия, и последующего формирования групп с одинаковыми тестовыми показателями. Например, для определения эффективности новых методов преподавания сначала измеряли коэффициент интеллекта учеников и затем составляли «уровненные» по умственным способностям группы.

Но процедура «выравнивания» все еще не соответствовала принципам формальной рациональности. Выравнивание стоило времени и денег, а отбор предполагаемых факторов зависел от личного воображения (различия могли, например, определяться полом детей, их этническим происхождением или любыми другими факторами). На этой стадии педагогические психологи прибегнули к методологическому использованию вероятности. Возникла идея исключить нежелательные вариации с помощью случайного подбора групп.

В 1923 г. Уильям МакКолл, психолог, работающий в школьной сфере, опубликовал учебник под названием «Как проводить эксперименты в образовании» [20]. Книга ярко демонстрировала диктат формальной рациональности в психологии. В введении к книге МакКолл подсчитывал, что, увеличив эффективность обучения, можно сберечь год работы преподавателя и что психологический эксперимент помог бы «американцам следующих ста поколений сэкономить 134 680 000 000 000 долларов» [20, с. 41–42]. Вслед за этим он предложил еще один способ повысить производительность, а именно: уравнивать группы с помощью случайных выборок. Случайные выборки заведомо удовлетворяли критериям эффективности и объективности: это был экономный способ исключить индивидуальность как исследователей, так и испытуемых.

Из этой краткой исторической реконструкции видно, что самая известная парадигма эксперимента в социальных науках и психологии вовсе не вытекает из трансцендентной логики науки. Не родилась она и в лаборатории. Хотя первоначально слово «эксперимент» попало в социальные науки как метафора из естественных наук, его современное значение в социаль-

ных науках более соответствует надеждам администрации управлять не с помощью традиций, а техник, и заменить индивидуальность как «правителя», так и «управляемого» на безличную объективность.

Эпилог: невкусный героин

Во многих отношениях социальное экспериментирование не так нейтрально, как может показаться. При планировании каждого эксперимента, например, должны быть приняты бесчисленные непростые решения. Возвращаясь к тому примеру, с которого я начала, в голландском эксперименте с героином нужно было дать рабочие определения для диагностики состояния и поведения участников. Можно ли считать, что испытуемые поправились в достаточной мере, если их вес вернулся к нормальному? Если да, то каким должен быть нормальный вес? Можно ли с уверенностью утверждать, что раздача героина уменьшает социальные проблемы, если наркоманы, к примеру, больше не нападают на своих сограждан? И можно ли оценить, пусть как и небольшое, но улучшение, если вместо насильственного нападения на людей, они совершат ненасильственную кражу в магазине? Или же о настоящем прогрессе можно говорить только тогда, когда бывший наркоман проработал какое-то время на постоянной работе? Если да, то сколько именно времени? И можно ли считать такой работой, например, проституцию, которая была недавно легализована в Голландии? Как показывают эти примеры, экспериментирование всегда предполагает классификацию испытуемых, на основе условных критериев и предпочтений.

В заключение стоит указать еще на несколько деталей из истории голландского героинового проекта. Эти детали также противоречат образу социальных наук как чисто технических дисциплин, поставленных на службу обществу. В результате парламентских дебатов по героинному проекту стали явными некоторые из его предпосылок. Христианские партии, например, возражали против эксперимента из-за содержащегося в его основе предположения о неизлечимости тяжелой зависимости к наркотикам. Самое сильное сопротивление, однако, оказала влиятельная консервативная партия. Когда кому-то что-то дается даром, консерваторы обычно беспокоятся о возможных злоупотреблениях. В случае эксперимента с бесплатным героином консервативная фракция опасалась давки на пунктах раздачи, утверждая, что свободное распределение героина будет вредить общественному порядку. По той же причине она возражала против идеи давать бесплатный героин контрольной группе во втором полугодии.

Так, казалось бы, нейтральная методология эксперимента стала предметом политических дискуссий в парламенте Нидерландов. Министр здравоохранения, которая до того, как перешла в политику, сама была профессором медицинского тестирования, должна была употребить все свои способности для убеждения оппонентов в том, что в целях статистической достоверности необходимо не менее 750 участников. По ее мнению, для того,

чтобы заполучить испытуемых для контрольного эксперимента, от которого зависели результаты всего плана, нужна «колбаса перед носом участников контрольной группы» [21]. Министру в конце концов удалось убедить оппонентов. Но эксперимент, который продолжается и в настоящее время, внезапно обнаружил нечто совсем неожиданное. Оказалось, что и министр, и консервативная оппозиция были по-своему неправы. Обе стороны предполагали, что зависимость испытуемых от наркотика обеспечит их полное послушание. В этом смысле, наркоманы принадлежали, считалось, к той же категории, что и школьники (или солдаты, или заключенные, или люди, живущие на пособия, — те, кто позже стали наиболее частыми испытуемыми в социальных экспериментах). Однако вместо того, чтобы в обмен на даровой героин с охотой подвергнуться обследованию (как того ожидала министр), довольно большое число наркоманов покинули эксперимент уже на ранней стадии. Они это объясняли тем, что «у этого героина не тот вкус».

Экспериментаторы были сбиты с толку. Они спрашивали, на самом ли деле их поставщики купили не тот героин. Но тут антрополог культуры из университета Амстердама П. Ван де Порт опубликовал интересную статью в теоретическом журнале «Психология и общество» [22]. Основываясь не на данных экспериментального исследования, а на результатах наблюдения, в том числе включенного (когда наблюдатель участник группы), он возражал против предположения о том, что героиновая зависимость — это чисто физическое явление. Наркотики действительно вызывают физические изменения, но их *интерпретация* подсказана той культурой, в которой неофиты начинают употреблять наркотики. Быть наркоманом — значит быть частью культуры, которую можно назвать «жизнь на краю». Героиновая зависимость — это побег из управляемого общества. Для того чтобы получить кайф, героин должен быть запретным. Его нельзя получать в стерильном пункте, где инъекция совершается под присмотром медсестры, он «вкусен» только тогда, когда его приходится покупать и принимать на улице, с опасностью быть пойманным.

Статья Ван де Порта очень ясная по своим методам и содержанию. Она показывает, что, когда доведенная до крайности боязнь субъективного делает любые смысловые интерпретации подозрительными, из внимания могут быть упущены важные вещи и что понимание наркотической зависимости требует чего-то большего, чем измерение физических или психических характеристик. И, самое главное, она демонстрирует предвзятость социальных экспериментаторов, считающих существующий общественный порядок лучшим из возможных миров *для всех без исключения*.

Литература

1. Bulmer M. Evaluation research and social experimentation // M. Bulmer, K. G. Banting, S. Blume, M. Carley, & C. H. Weiss. Social science and social policy. London: Allen & Unwin, 1986. P. 155–179.
2. Campbell D. T. Reforms as experiments // American Psychologist. 1969. V. 24. P. 409–429.

3. *Campbell D. T.* The social scientist as methodological servant of the experimenting society // *Policy studies journal*. 1973. V. 2. P. 72–75.
4. *Brown R.* Artificial experiments on society: Comte, G. C. Lewis and Mill // *Journal of Historical Sociology*. 1997. V. 10. P. 74–97.
5. *Lewis G. C.* A treatise on the methods of observation and reasoning in politics. New York: Arno Press. 1974 (Первое издание 1852).
6. *Haskell T.* The emergence of professional social science: The American Social Science Association and the 19th-century. crisis of authority. Urbana, IL: Univ. of Illinois Press. 1977.
7. *Porter T. M.* The rise of statistical thinking, 1820–1900. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press. 1986.
8. *Desrosières A.* The politics of large numbers. A history of statistical reasoning. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1998.
9. *Kalberg S.* Max Weber's types of rationality: Cornerstones for the analysis of rationalization processes in history // *American Journal of Sociology*. 1980. V. 85. P. 1145–1179.
10. *Porter T. M.* Trust in numbers: The pursuit of objectivity in science and public life. Princeton: Princeton Univ. Press. 1995.
11. *Ross D.* The origins of American social science. New York: Cambridge Univ. Press. 1991.
12. *Chapin F. S.* The experimental method and sociology I. The theory and practice of the experimental method // *Scientific Monthly*. 1917. V. 4. P. 133–144.
13. *Chapin F. S.* The experimental method and sociology II. Social legislation is social experimentation // *Scientific Monthly*. 1917. V. 4. P. 238–247.
14. *Danziger K.* Constructing the subject. New York: Cambridge Univ. Press. 1990.
15. *Benschop R. J. & Draaisma D.* In pursuit of precision. The calibration of minds and machines in late 19th-century psychology // *Annals of Science*. 2000. V. 57. P. 1–25.
16. *Dehue T.* Deception, efficiency, and random groups // *Isis*. 1997. V. 88. P. 653–673.
17. *Dehue T.* From deception-trials to control-reagents: The introduction of the control group about a century ago // *American Psychologist*. 2000. V. 55. P. 264–268.
18. *Boring E. G.* The nature and history of experimental control // *American Journal of Psychology*. 1954. V. 67. P. 573–589.
19. *Callahan R. E.* Education and the cult of efficiency. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1962.
20. *McCall W. A.* How to experiment in education. New York: McMillan, 1923.
21. *Dehue T.* Testing treatments, managing life // *History of the Human Sciences*. 1999. V. 12. P. 131–140.
22. *Van de Port P.* «Voor orientalen een stimulant». Een antropologische kritiek op het medisch verslavingsparadigma [«For orientals a stimulant». An anthropological critique on the medical addiction paradigm] // *Psychologie & Maatschappij* [Psychology & Society]. 1998. V. 22. N. 4. P. 364–372.

Перевод с английского И. Е. Сироткиной